

писати“, как говорится в царском наказе 1622 года вяземским воеводам“.¹

Гражданская власть в сношениях с населением широко пользовалась письменным словом. В окружной царской грамоте 1637 года о преследовании „денежных воров“, т. е. фальшивомонетчиков, приказывалось „против сего нашего указу написать памяти и приклеити у таможен, и по городовым воротам, и в ряде, и по улицам, и по малым торжком, и во всяких местех, где людем сход, опричь церквей, чтоб тот наш указ всем людем был ведом“.²

Церковная власть, центральная и местная, сообщалась с подчиненными ей организациями и лицами также посредством грамот и посланий, причем часто требовалось широкое распространение списков грамот по местам. Например, Ростовский митрополит Варлаам, посылая богомольную грамоту в Кирилло-Белозерский монастырь по поводу возобновления войны с Польшей в 1632 году, наказывал игумену: „послал бы еси с ее наши грамоты списки слово в слово“.³ Поэтому законодательно-административная деятельность центрального правительства и работа по управлению местных гражданских, а также церковных органов требовали громадного числа профессионалов пера: подьячих, „дьячков от письма книг“⁴ и земских писарей. Только население с большой культурой грамотности могло создать целое сословие специалистов письма, разбросанных по всем городам, от западных границ Московского государства до его сибирских окраин. Число не просто грамотных, а искусно грамотных людей в разных классах населения, желавших использовать свое образование для приобретения средств к жизни и, покинув занятия своих родителей, пойти в подьячие, было так велико, что создавало конкуренцию для всего подьяческого сословия. Поэтому, под очевидным давлением снизу, царь Михаил Федорович в 1641 году указал „во все приказы послать памяти, чтоб поповых и дьяконовых детей, и гостинья и суконья сотен торговых, и черных сотен посадских всяких, и пашенных людей и их детей, — в подьячие не принимали“.⁵ Среда профессионалов, „дьячьей избы“, как показывает этот документ, впитывала в себя представителей различных социальных слоев и по необходимости должна была совершенствовать свое мастерство, как это свойственно всякой профессии, и из нее выходили настоящие писатели XVI столетия (историограф „Смутного“ времени, автор „Временника“, дьяк Иван Тимофеев, а во второй половине того же века — Григорий Котошихин).

Чтобы охарактеризовать грамоты и близкие к ним документы с литературной стороны, останавлюсь на некоторых постоянных в московских грамотах, особенно XVII века, приемах художественной речи, встречающихся в них довольно часто.

Говоря о приемах художественной речи, которые можно рассматривать как формы сознательной профессионально-литературной обработки текста грамот, необходимо установить отличие их от тех художественных форм, встречающихся в грамотах, которые отражают художествен-

¹ Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиею, т. 3, СПб., 1841, № 116, стр. 175. (В дальнейшем — АИ).

² Акты, собранные Археографическою экспедициею, т. 3, СПб., 1836, № 266, стр. 207. (В дальнейшем — АЭ).

³ Там же, № 334, стр. 489. По тому же поводу новгородский митрополит Киприан в окружной грамоте в Архангельский монастырь указывал игумену „от себя богомольные грамоты разослати нарочно наскоре“ по другим монастырям и погостам.

⁴ АЭ, т. 3, № 333, стр. 488.

⁵ АИ, т. 3, № 92, стр. 108.